

Рамиз Аббаслы (Бархударов Рамиз Магомед оглы) – азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы, родом из Карабахского региона Азербайджанской Республики – села Паправенд Агдамского района.

Учился в сельской школе; особенно любил точные науки, но с большим интересом читал произведения знаменитых писателей. После окончания средней школы поступил в Бакинский университет. Долгое время работал в нефтяной отрасли.

Свою первую книгу («Школа семи деревень») опубликовал в 1994 году. И она сразу же стала бестселлером; за неё автор получил награду «Творческий успех». Потом вышли в свет другие книги: «Мираж» – 2000 г., «Тёмные ночи» – 2008 г., «Имя вора» – 2015 г., «Химера» – 2018 г. Его рассказы, статьи и переводы публиковались во всех литературных газетах и журналах Азербайджана.

Рамиз Аббаслы – двуязычный писатель: пишет на азербайджанском и русском. Рассказы на русском языке публиковались в России, очень понравились нашим читателям и получили высокую оценку российских критиков. С этими рассказами автор участвует в разных международных литературных конкурсах и фестивалях, стал лауреатом «ЛиФФта» (2019 г.).

Студенты Шанхая

Рассказ

Ему сказали, что договор будет готов только через полчаса. У него было свободное время, и он зашёл в наш отдел, который был рядом с канцелярией. Человек долго возился, нервничал, поэтому выглядел уставшим. Заключение договора – дело трудное, и мы это знали. Но всё же он молодец, добился своего. Кто-то из работников отдела включил электрочайник, чтобы человека – на вид мужчину примерно лет тридцати пяти – угостить стаканом чая. Это надо было сделать, потому что в дальнейшем мы с ним будем работать совместно, чтобы реализовался его договор, который практически был уже заключён, остались лишь какие-то формальности. Интересно, кто он, откуда?

– А вы сами откуда? – спросил я его.

Подобные вопросы: вы откуда, из какого района, из какого села? – у нас обычны. Насколько я знаю, незнакомые люди в других странах сначала говорят о погоде. А мы стараемся узнать, откуда наш собеседник.

– Я из Сальянского района, – ответил мужчина.

Я даже иногда думаю: а что было до 1930 года? Ведь до этого Азербайджан был разделён на уезды. А районов стало больше, потому что на базе одного уезда порой возникало три района. Наверно, раньше начинали с вопроса «А вы с какого уезда?». Теперь же мы говорим о районе, и он, оказывается, из Сальянского района. А там есть город Сальян – райцентр – и около ста селений. Надо было уточнить.

– В самом Сальяне живёте? – спросил я.

К тому времени я ни разу в Сальяне не был. Только одно знал: этот район находится в нижнем течении Куры. Одновременно только понаслышке знал и название одного села. Но в годы моего студенчества получилось так, что не только я, а почти все студенты Шанхая знали, что в Сальяне есть такое село. Нет, я не учился в Китае, в китайском городе Шанхае тоже не бывал. Я учился в Баку и жил в посёлке Баилова. Но дело в том, что участок на склоне горы южного жилого массива этого посёлка в то время неофициально назывался Шанхаем. Почему так? Это можно было понять, если вы ехали из посёлка Шихова в сторону площади Азнефти. Тогда на левой стороне от вас, на расстоянии трёх километров, на южном склоне Баиловского нагорья открывался красивый пейзаж: поднимаясь снизу вверх, всё выше и выше, чередовались неровные ряды одноэтажных домов, а рядом с каждым домом росли деревья, зелёный цвет которых на фоне серого песчаного склона выглядел намного ярче, сама панорама же была очень красивой, как оригинальная картина мастера живописи. Говорили, что это якобы напоминает китайский город Шанхай. Поэтому этот участок Баилова назывался Шанхаем.

Итак, в то время название одного села близ Сальяна как-то неожиданно и совершенно случайно стало популярным в Шанхае, особенно же – среди студентов. А это было связано с тем, что один из жителей Шанхая, родом из ставшего известным села в Сальяне, собирался уехать за границу; он был нефтяником – буровым мастером, и его как хорошего специалиста направили работать в Пакистан. Человек собирался ехать со своей семьёй сроком на два года и не хотел, чтобы все это время его квартира пустовала, поэтому решил сдать её в аренду. Это сразу же стало известно всем квартирантам Шанхая, подавляющее большинство которых составляли студенты. Квартира была со всеми удобствами. Было и другое преимущество: хозяин уедет на два года, и ты за это время не увидишь его... Но кто станет счастливым? Хозяин искал подходящего человека среди студентов-квартирантов, и ему нужен был человек порядочный, воспитанный, надёжный, аккуратный. Начались поиски: опросили соседей, друзей, знакомых. А квартиранты Шанхая затаив дыхание с нетерпением ждали: кого же выберут, кто станет счастливым?

О том, как шли поиски, нас информировал Алик – такой же квартирант и студент, как и все мы. Но, в отличие от нас, он был земляком бурового мастера: оба они были уроженцами одного и того же села из Сальяна. Алик был нашим информатором, и мы его искали; даже можно сказать, ребята за ним охотились. На автобусной остановке, возле автоматов с водой, где всегда было многолюдно, часто можно было видеть пять-шесть парней, которые вроде стояли без дела и о чём-то весело болтали, иногда хохотали хором – убивали время. А на самом деле они не бездельничали, искали Алика. Вот наконец и Алик: он сошёл с автобуса Локбатан – Баку; наверно, домой идёт.

– Алик, Алик! Привет, Алик. Как твои дела? Иди сюда, Алик. Куда ты торопишься? Вы посмотрите на него, ребята! Он даже не считает нужным хотя бы на одну минуту задержаться в культурном центре Баилова и выпить стакан

воды из этих красивых автоматов. Так нельзя, Алик. Каждый квартирант Шанхая обязан пить ежедневно минимум два стакана газированной воды из автомата: первый – без сиропа, второй –

с сиропом. Иначе автоматы не будут работать; их закроют, и мы останемся без холодной воды и будем вынуждены пить белую, как молоко, хлорированную воду из-под крана.

– Ему некогда. Он же не бездельник, как мы; человек и работает, и учится.

– Ну, Алик, шутки сторону. Как твои дела? Слава богу, что всё нормально. А теперь скажи, пожалуйста, Алик: твой земляк нашёл человека?

Алик уже был в окружении студентов Шанхая, которым позарез нужна была дешёвая хорошая квартира. А эти два параметра – дешёвый и хороший – несовместимы. Но в данной ситуации каким-то чудом они совмещались: буровой мастер хотел сдавать квартиру недорого, по уже установленной средней цене в Шанхае, и его квартира была со всеми удобствами; то есть хорошую квартиру сдавали дёшево. Всё было очень заманчиво. А вот как попасть в список кандидатов – это было проблемой. Если Алик – земляк, односельчанин бурового мастера не попал в список, значит, жюри было очень строгим.

– Нашли... гм. Думаете, так просто, что ли? – отвечал Алик спокойно. – Ну как вам сказать, ребята? Даже затрудняюсь. У них на примете есть два-три человека, они их обсуждают. Вот что могу сказать вам.

Значит, на примете есть два-три человека. Алик не знал их имён, может быть, и знал, но не хотел об этом говорить. Вопрос был исчерпан, и с Аликом обсуждать уже было нечего.

– А твои личные дела как, Алик? Как идёт учеба?

Алик учился в строительном техникуме. А у шанхайских парней техникум не котировался, потому что если не все они, то, во всяком случае, подавляющее большинство их училось в высших учебных заведениях: в университете, АЗИ и нархо-зе, который в то время неофициально назывался институтом завмагов, политехническом, педагогическом, медицинском институтах. Алик был в курсе дел, поэтому без серьёзных причин не задерживался возле автоматов с водой и не любил возиться с этими высокомерными эгоистами. Если бы не было ажиотажа, связанного с квартирой бурового мастера, Алик, наверно, до конца своей учёбы чуждался бы их, а те, в свою очередь, не считали бы нужным являться с ним и обсуждать какой-либо вопрос.

– Учёба? Да так, вроде ничего. Сейчас я с работы. Устал, домой пойду, – так сказав, Алик как-то виновато улыбнулся и пошёл.

А как только он ушёл, ребята стали говорить, что он, то есть Алик, нашёл себе хорошую девушку и уже с ней встречается; их даже видели в городе, когда они вместе гуляли. Все студенты Шанхая хотели найти себе девушку – ещё бы! – а кое-кто, в том числе и Алик, уже решил этот вопрос. Вообще-то, на этот счёт у шанхайских парней были свои взгляды: они считали, что молодой человек должен учиться, жениться ему рано, но он должен дружить

с девушками и с кем-то из них встречаться; серьёзно или несерьёзно – это не имело значения, по их мнению, у студента должна быть девушка и он должен с ней встречаться. Но для этого нужна была материальная база. А студенты Шанхая были бедны, плохо одеты, и это затрудняло их успех. Чтобы улучшить своё материальное положение, надо было работать. А это было несовместимо с учёбой на дневном отделении. Да, безусловно, при сильном желании можно было устроиться где-нибудь сторожем в ночную смену или же чернорабочим – во вторую смену. Но это тоже не помогало; добиться ощутимых результатов не удавалось, наоборот, работающий студент-очник из-за отставания в учёбе часто лишался стипендии.

В Баку было много красивых девушек всех национальностей. Это и дало повод какому-то неизвестному поэту сочинить стихи, в которых описывались эти девушки. Стихи были в стиле мейханы – это особый, апшеронский, жанр стихосложения, главная особенность которого заключается в том, что эти стихи сочиняются устно, их нельзя опубликовать, а можно только негромко петь под аккомпанемент какой-то уже известной мелодии. Мастерами этого жанра считаются выходцы из бакинских деревень. Эти стихи тоже, наверно, сочинил один из мастеров мейханы; некоторые слова из них помню даже сейчас, строки же, посвящённые русским девушкам, помню точно:

«Аларсан рус гызыны,

Ев-ешийи чист елийер».

То есть, если возьмёшь русскую девушку, в твоём доме будет чистота и порядок. Это хорошая характеристика.

Два или три раза попадал я в такие компании, когда Алик беседовал со своими близкими товарищами, а я был третий и всего лишь в статусе пассивного наблюдателя: в их разговор не вмешивался, только молча слушал. На каком-то этапе этих бесед друзья спрашивали:

– Как твои личные дела, Алик?

– Личные дела – ничего. Сейчас я устал. Был на карьере. Грузил один самосвал, получил пятнадцать рублей, и, слава богу, есть деньги на хлеб.

Алик учился и работал. У него была необычная работа. Он был оформлен в какой-то строительной организации рабочим. Но каждый день на работу не ходил, зарплаты тоже не получал. На работу он ходил тогда, когда ему нужны были деньги. Суть этой работы заключалась в том, что семь-восемь мужчин на каменном карьере грузили кубики на машины, и за эту работу деньги им наличными платили водители автомобилей. Алик тоже там работал, и, когда у него было мало денег, он садился на автобус Баку – Локбатан, ехал до пляжа Шихово, там выходил и пешком поднимался наверх, в каменный карьер. В карьере его знали, уважали и как студенту делали уступки: сразу ему давали одну машину. А он её грузил и, получив деньги, уходил. Казалось бы, всё очень просто и работа как раз для студента. А на самом деле всё было очень

трудно: грузить сотни кубиков на машину – работа тяжёлая и вовсе не для студента.

– Я работаю один, – рассказывал Алик. – Если кого-то взять как помощника, придётся деньги с ним делить. Поэтому работаю один. Правда тяжело, сильно устаю, но другого выхода нет. Сейчас тоже устал, еле стою на ногах. Зато есть деньги на хлеб. Пойду домой, искупаюсь, покушаю, потом лягу спать. А вечером у меня свидание.

– Молодец, Алик. Всё же ты умный и самостоятельный человек. А, кстати, ты встречаешься с той девушкой или нашёл другую?

– Другой девушки не нашёл и не хочу. Я встречаюсь с той, первой.

Таков был Алик. А по ходу этих бесед в узком кругу я понял, что у Алика есть девушка, она русская, он её любит. Я её не видел, но ребята говорили, что она красивая. Алик тоже был, между прочим, хорош собой: высокий, широкоплечий; ведь неспроста же грузил он на машину сотни кубиков.

Чтобы дружить с девушкой другой национальности, надо было знать русский язык. Шанхайские парни в этом вопросе хромали. Правда, они хорошо учились в средней школе, особенно сильны были в математике и физике. Русский язык же или плохо знали, или совсем не знали. Но это ничего, со временем всё наладится, и они будут говорить на этом языке. А им не терпелось, они хотели ускорить дело, с тем чтобы дружить и болтать с городскими девушками, независимо от их национальной принадлежности. По их мнению, проблема была только в русском языке. Иногда они даже совместно обсуждали этот вопрос. Более опытные ребята новичкам посоветовали познакомиться с русскими девушками; мол, это очень хорошо помогает при изучении русского языка. Да, конечно, можно, но начинать практически с нуля не так-то просто, даже смешно. И всё-таки надо было попробовать.

– Девушка, ай, девушка, – это говорил шанхайский новичок, который три месяца назад из далёкой деревни приехал в Баку и, удачно сдав экзамены, поступил в АзИ – нефтяную академию.

В то время много деревенских парней поступало именно в АзИ. То ли правда, то ли нет, но говорили, что всё это делают проводники. Дело в том, что билет на железнодорожный транспорт был дешевле, а в общий вагон – намного дешевле. Поэтому выходцы из бедных семей предпочитали этот вариант: купили билет, вечером сели в общий вагон, который летом всегда был битком набит, и утром оказывались в Баку. Их никто не сопровождал, на вокзале никто не встречал. И впервые в жизни они попадали в большой, совершенно незнакомый город. Что делать, у кого спросить? Единственный человек, которого они знали, был проводник общего вагона; с ним они познакомились недавно, во время этой поездки. А проводник был занят: всё же конечная станция, вагон битком набит, встречающих тоже много, они лезут

в вагон: ну что за люди! Постой, куда ты, куда? Но, несмотря на эту суматоху, проводнику было жалко этих беспризорных ребят.

– Слушай, ты приехал в Баку поступить в институт, учиться, правильно?

– Да.

– Вот институт, – проводник вагона рукой показывал на здание главного корпуса АЗИ, которое почти что рядом с железнодорожным вокзалом. – Какая тебе разница, иди, поступай, учись и получай диплом.

АЗИ был не только ближе к вокзалу, но там, почти рядом, находилась и самая дешёвая столовая города. Кроме того, прямо на улице целый день продавали готовую еду: дешёвые пирожки, пончики, кутабы, булки... Можно было даже совершенно бесплатно переночевать рядом с институтом – спать на скамейках сада Ильича, который в то время прославился как сборище алкоголиков и фанатов футбола. Вот так выходцы из бедных семей поступали в АЗИ. Поэтому этот институт неофициально назывался и институтом бедняков.

Парень, который шёл за девушкой и как-то своеобразно обращался к ней: «Девушка, ай, девушка», тоже учился в АЗИ, он был первокурсником. А девушка, за которой он шёл, только что вышла из жёлтого автобуса; это был известный в своё время двадцатый маршрут, который курсировал между железнодорожным вокзалом и посёлком Шихова. Автобусы этого маршрута были какие-то особенные: приземистые, длинные и медленные. Их салоны почти всегда были переполнены и грязны, на полу валялись окурки сигарет, шелуха семечек... Водители боролись за чистоту, в салонах всех автобусов этого маршрута на видных местах были повешены портреты известной свиньи, которая курила в общественном месте. В верхней части рисунка была надпись: «Курить нельзя». А эта свинья, на вид очень чистоплотная, – культурный тип с галстуком-бабочкой, похожий на скрипача всемирно известного европейского оркестра, – сидела на стуле, закинув ногу на ногу, и надменно, очень даже нагло курила. В нижней части портрета была другая надпись: «А я курю». То есть получалось, что якобы это говорила свинья: «А я курю». Всё было очень красноречиво и лаконично. Но, увы, портрет свиньи не помогал. Пассажиры продолжали сорить. Салоны автобусов, особенно их задняя часть, там, где на небольшой площадке толпились мужчины и как ни в чём не бывало курили и грызли семечки, весело болтали, иногда хохотали хором, были в ужасном состоянии. Конечно, это плохо. И, как ни странно, пассажиры и водители уже привыкли к этому безобразию. Но в этой, казалось бы, безнадежной ситуации один из водителей, видимо, чистоплотный от рождения, продолжал неустанно бороться и придумывал новые оригинальные методы борьбы за чистоту в общественном транспорте; на всех видных местах салона своего автобуса он понаписал мелом: «Скотина, в автобусе не кури!», «Мерзавец, окурки на пол не бросай!». Но и это тоже не помогало. Пассажиры продолжали курить и грызть семечки в салоне двадцатого маршрута.

Девушка, только что вышедшая из жёлтого грязного автобуса, услышав какое-то странное обращение: «Девушка, ай, девушка», чуточку замедлила

шаг и, слегка повернув голову, краем глаза тайком посмотрела назад. За ней шёл парень, примерно её ровесник. Она его не знала. Видимо, ему что-то надо.

– Чего вам надо? – спросила девушка.

Даже если хорошо знаешь язык, ответить на этот вопрос трудно. Парень растерялся. Несколько слов, которые он знал, куда-то испарились, в его мозгах была абсолютная пустота. А между тем девушка уже стояла перед ним и смотрела на него; она ждала ответа, одновременно хотела, пусть даже приблизительно и внешне, определить, кто он. На нём был дешёвый, но новый костюм производства швейной фабрики имени Володарского, который ни один городской мужчина, а молодой парень тем более, не согласился бы надеть и опозориться на всю жизнь. А этот простофиля вопреки всем правилам городской жизни, с какой-то тупой гордостью носил это барахло, притом совершенно не замечая, с каким язвительным презрением относились к нему люди именно из-за этого костюма. Девушка всё это видела. Но она не знала и не могла знать, что этот костюм – впервые за всю жизнь – купили ему родители в подарок как нечто очень дорогое и необыкновенное в связи с тем, что он успешно сдал вступительные экзамены и поступил в институт. Общая тетрадь, которую он держал по-крестьянски в большой жилистой руке, говорила о том, что он учится – студент.

– Что вы хотели сказать? – спросила девушка.

Уловив еле заметное смягчение в голосе девушки, парень осмелел и сказал:

– Давай... – он хотел сказать: давай познакомимся. Но второе слово забыл, и его высказывание осталось незавершённым; получился обрывок предложения, который мог трактоваться по-разному.

– Что дать тебе? Я что, тебе деньги должна, что ли? Как это – «давай»? Гм. – Девушка недовольно качала головой. – Не стыдно тебе? Ты хоть знаешь, что говоришь? Среди белого дня пристаёшь к незнакомой девушке и говоришь: «Давай!». Наглец какой! Отстань от меня! – Так сказав, девушка отвернулась и ушла.

Парень же, потрясённый, стоял на месте как вкопанный, и всё это было очень досадно, даже плачевно.

Но в любом случае русский язык надо было знать; во-первых, потому что молодые люди хотели дружить с городскими девушками. Незнание русского языка сужало круг их знакомств, снижало вероятность достижения цели: парни могли бы общаться только с азербайджанками. С другой стороны, русский язык был государственным языком великой державы, а эти честолюбивые ребята были гражданами этой страны; будущий инженер, врач, экономист, учёный... хотя бы ради своей карьеры обязан был знать этот язык, иначе продвижение по служебной лестнице стало бы весьма и весьма трудным.

Государственный язык надо было знать. Но в Конституции Азербайджанской ССР чёрным по белому было написано, что азербайджанский язык является государственным языком на территории Азербайджана. Приехав же в Баку, деревенская молодёжь увидела другую картину. Правда, их никто не ущемлял; их не заставляли говорить или писать на русском языке. Занятия в школах и вузах велись на двух – азербайджанском и русском – языках. Казалось бы, даже установилось какое-то устойчивое равновесие. Но чувствовалось «сильное подводное течение», которое всё время давило и против которого невозможно было устоять; оно уносило в какие-то чужие просторы, оставив далеко позади всё родное и привычное.

В столице действовали неписанные законы; например, показателем уровня образованности и интеллекта человека считалось знание русского языка. Точно такая же ситуация была в Индии во второй половине XIX века. Но там, в английской колонии, критерием образованности было знание не русского языка, а английского.

На Южном Кавказе русский человек с его языком и культурой появился в основном в первой половине XIX века. Кавказ испокон веков был и остаётся многонациональным краем, основной костяк же составляли азербайджанцы и грузины. Это подтверждается историческими фактами, об этом писали греческие и римские историки.

В первом веке до нашей эры римские войска под командованием Лукулла, Помпея, Марка Антония побывали на Кавказе, прошли вдоль и поперёк этот край. По горячим следам описывая эти исторические походы, античные авторы: Плутарх, Страбон и другие – пишут в основном о двух народах Кавказа: албанах и иберах. Албаны... В античные времена, даже в раннем Средневековье Северный Азербайджан назывался Албанией, а её население в целом называлось албанами. Грузия же в то время называлась Иберией, а её население – иберами. Римская армия под командованием Помпея ворвалась в Северный Азербайджан – Албанию. Албания была мощным государством, в случае войны она могла выставить шестьдесят тысяч пехотинцев и двадцать две тысячи единиц конницы. Албания не содрогнулась перед армией

Римской империи, на берегу Куры сошлись албанская и римская армии. Имперская армия одержала победу. По преданию древнегреческого историка Плутарха, после этой битвы

Помпей намеревался пройти до Каспийского моря. Его путь пролегал по равнинной части Албании. Казалось, всё просто и ничто не остановит победоносный поход римской армии.

Но вскоре выяснилось, что есть серьёзные препятствия – продвижению армии мешали змеи. В низменной части Азербайджана, тогдашней Албании, много змей. Знаменитая кавказская гюрза, одна из самых ядовитых змей в мире, обитает здесь: в предгорьях Большого и Малого Кавказа, в основном же – в низменной части Северного Азербайджана, в Аране. Римские солдаты, волы и лошади погибали от укусов змей. Римляне не ожидали такого широкомасштабного нашествия пресмыкающихся и не были готовы к нему.

Но они продолжали свой путь. А змеиная атака не унималась, наоборот, с каждым днём становилась упорней. Смертельно опасные змеи длиной от пятидесяти сантиметров до двух метров появлялись везде и всюду, они продолжали свои вылазки в любое время суток, даже глубокой ночью, и наносили огромный ущерб римской армии; они, как бы мстя за поражение своих земляков – воинов Албании, с каким-то особым, невиданным доселе пристрастием даже в самых неожиданных и, казалось бы, необидных ситуациях кусали воинов Помпея. Тысячи воинов, лошадей и волов погибали. На территории нынешних районов Азербайджана: Сальяна, Саатлы и Сабирабада – по преданию Плутарха, на расстоянии трёх дней пути (это примерно девяносто километров) борьба воинов римской армии и кавказских гюрз приобрела более ожесточённый характер. И Помпей, опытный полководец, чтобы полностью не погубить римскую армию, вынужден был остановить свой поход. Имперская армия, отступая, позорно покинула поле боя со змеями.

Античные авторы много писали об Албании и албанах, они упоминали и о кавказоязычных народах. Но вместе с тем большинство населения составляли азербайджанцы. Поэтому Евангелие в пятом веке в Албании – в христианском государстве того времени – было переведено на гаргарский язык, который был одним из главенствующих языков у тюркских племён, населявших Северный Азербайджан. О переводе Евангелия сообщает автор V века Корюн, который охарактеризовал гаргарский язык как «весьма ломаный и грубый». Гаргары занимались скотоводством и земледелием, одновременно были хорошими воинами, они не учились в университетах и консерваториях – язык грубого воина, необразованного трудяги таким и бывает: ломаным и грубым. А как же иначе? Высказывание Корюна в дальнейшем было искажено и приобрело совершенно другую форму, и многие историки советской исторической школы начали писать, что, по преданию Корюна, гаргарский язык был богат гортанными свистящими и шипящими звуками. Эта ложь – то ли случайно, но, скорее всего, по заранее намеченному плану – стала главным аргументом в руках фальсификаторов истории азербайджанского народа.

Язык, на котором говорили не только на Южном Кавказе, но и на Северном Кавказе, даже на юге России, русские называли татарским, азербайджанцев же – татарами. Это не было ошибкой, потому что хорошо известные русским татары, а также азербайджанцы говорят на разных диалектах тюркского языка, они родственные народы, имеют общие корни; и татары, и азербайджанцы – тюрки.

Лев Толстой пишет, что на юге России, в казачьей станице Новомлинской, местный казак – русский человек, дядя Ероша, учит юнкера Оленина татарскому языку: «Э, не знаешь, не знаешь порядков! Дурак! – сказал дядя Ероша, укоризненно качая головой. – Коли кошкылды говорят, ты скажи: “Алла, рази босун – спаси, Бог”».

Тот же Толстой, описывая встречу Хаджи-Мурата с русским офицером, ротным командиром Полторацким, пишет: «Он (Хаджи-Мурат. – Р. А.)

подъехал к Полторацкому и что-то сказал ему по-татарски. Полторацкий, подняв брови, развёл руками в знак того, что не понимает...»

Аварец Хаджи-Мурат прекрасно знал татарский язык и был уверен, что русский офицер тоже знает этот язык, потому что на Кавказе все знали этот язык; это было просто и ясно, как дважды два – четыре. Русская интеллигенция, прибыв на Кавказ в XIX веке, сразу же поняла эту простую истину. Гениальные люди России, не теряя времени, приступили к изучению азербайджанского – по их мнению, татарского – языка, потому что, как правильно выразился М. Ю. Лермонтов, насколько французский язык был необходим в Европе, настолько же необходим был и азербайджанский язык в Азии. Лермонтов изучал азербайджанский язык, и его труд не пропал даром: творчество в целом и мировоззрение поэта приобрели новый оттенок. Русский поэт был горд этим и писал:

...Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен...

Герои Лермонтова – Печорин и Максим Максимович – при общении между собой употребляют азербайджанские слова, вставляя их в русские предложения. И как можно не вспомнить русского писателя Бестужева (Марлинского)?! Его произведения кишмя кишат азербайджанизмами: слова, словосочетания, целые предложения, азербайджанские пословицы, поговорки, отрывки из народных песен... – и всё это на азербайджанском языке. Нам, кавказцам, очень важно читать «Повести о Кавказе» Бестужева (Марлинского).

Но читать их в оригинале – это особое удовольствие для азербайджанца. Русский писатель долгое время жил в Дербенте, население которого в основном составляли азербайджанцы. Так было не только в XIX веке, но и в VII веке, что подтверждается историческими фактами. В 698 году арабский военачальник Маслама захватил Дербент, и, чтобы разместить там двадцать четыре тысячи человек: арабских военных с их семьями, – он, Маслама, вынужден был выселить из Дербента несколько тысяч татарских (читай: азербайджанских. – Р. А.) семей, как написано в исторических источниках.

При Бестужеве (Марлинском) в Дербенте жили в основном азербайджанцы, которых он называет татарами, а их язык – татарским. Но вместе с тем в самом Дербенте и его окрестностях жили и представители других народов, а Бестужев (Марлинский), не вдаваясь в подробности, с кем, представителем какой нации имеет дело, со всеми без исключения разговаривал только на азербайджанском языке, потому что на Кавказе этот язык знали все, и это было не внове, испокон веков так было. А во второй половине XX века этот язык стал притесняться: азербайджанский язык вынужден был отступить; это было неестественно, несправедливо, и при виде этого наши сердца больно сжимались.

* * *

Алик учился и работал, успел даже найти себе девушку: это было серьёзно, он её любил. Алик любил городскую девушку и запланировал по окончании учёбы на ней жениться и уехать в деревню. Он вроде здравомыслящий человек, но знал ли, какие тяжкие испытания ожидают его будущую жену там, на его родине? У них будет уйма проблем. А, как известно, бытовые проблемы и связанные с ними частые, постоянно повторяющиеся пререкания, споры, стычки разъедают любовь, как ржавчина разъедает сталь, и в конце концов от неё ничего не остаётся. Любовь испаряется так, как будто её вовсе и не было, а на её месте процветают ненависть и отвращение. Это тот критический момент, когда людям уже нельзя жить вместе, они должны расстаться. Неужели он, Алик, был лишён элементарной фантазии и не мог даже представить себе, что его планы нереальны, иллюзорны, обречены? Ведь нетрудно же было представить.

Вот наконец Алик, закончив учёбу, женился, и семья по настоянию мужа переехала в какое-то село Сальяна. Жена русская, городской человек, она родилась и выросла в Баку, азербайджанского языка не знает. Вдруг её оторвали от родной и привычной городской жизни, и она оказалась в совершенно другой среде. Летом в Сальяне очень жарко; это низменная, равнинная часть Азербайджана – Аран. В древности Северный Азербайджан, то есть Албания, одновременно называлась и Араном. И такое название не потеряло своего значения – низменная часть Азербайджана сейчас тоже называется Араном.

В Сальяне термометр часто показывает выше сорока градусов в тени. Воздух там влажный, потому что главная водная артерия страны – река Кура протекает по территории Салья-на. Реки Кура и Аракс, Каспийское море и горы Кавказа являются главными атрибутами нашей страны. Отец истории Геродот пишет, что «...река Аракс течёт по открытой местности и впадает в Каспийское море»; или «...после переправы через Аракс, уже на земле массагетов, ночью Кир увидел вот такой сон». Древнегреческий историк Страбон пишет, что река Кура, протекая через территорию Албании, разделяет её на две части. Албанский и азербайджанский историк Мовсес Каганкатвацци (Моисей Каланкатуйский) же пишет, что река Аракс является южной границей Албании.

Да, летом в Сальяне невыносимая жара, воздух влажный, дышать нечем. Комары не дают покоя. Там ещё много змей, и они смертельно опасны. Короче, жизнь непростая – с мая до октября так и будет. В ноябре начинается сезон дождей, а потом наступит зима, и ни много ни мало, ровно пять месяцев в сёлах Сальяна грязь будет по колено. Алик родился и вырос там, в самом пекле Арана, поэтому не только грязь, даже море ему по колено; он чувствует себя как рыба в воде – всё это для него родное и привычное. А для его жены – городской девушки – это будет сущим адом. Она вынуждена будет ходить в резиновых сапогах, ей придётся вкалывать в личном хозяйстве: возделывать землю в саду и на огороде, доить корову, чистить коровник, ухаживать за ягнятами, залезать в курятник, убирать и чистить там, наводить порядок, собирать яйца... Работы – непочатый край; надо только работать и работать.

Сможет ли она приспособиться? Она не знает азербайджанского языка, а местный народ не знает русского языка, за исключением некоторых мужчин, которые служили в армии. Проблема будет и с обычаями: мусульманские, порой неприемлемые для русского человека, христианина, обычаи – адаты. Даже если бы она была не русская, а азербайджанка, но городская, то всё равно между нею – городским человеком – и местным населением – деревенщиной – противостояние неизбежно, поскольку уже известно и доказано, что в аналогичных ситуациях возникает ожесточённая борьба с населением деревни и человеком, всю жизнь проживавшим в городе, но по каким-то причинам переехавшим на постоянное жительство в деревню.

По воскресеньям в полдень, ровно в два часа дня, Алик включит радиоприёмник и целый час будет слушать концерт мугама. Каждое воскресенье так и будет. Прибавив звук на полную катушку, он самозабвенно будет слушать музыку и получать удовольствие. А его русская жена ничего не поймёт. И всё же ей надо будет спросить.

– Алик, что он говорит? – Этот мугам исполнит мужчина, и она захочет знать, о чём он пел.

– Что он говорит? Мне очень трудно всё это объяснить тебе, – скажет Алик, и он будет прав. Потому что смысл мугама, древней музыки Востока, передать словами весьма и весьма трудно. Алику же, строителю по профессии, такая задача совсем не под силу. Что касается слов, это тоже переводить очень трудно. При исполнении мугама певцы, как правило, используют газели – это особый жанр восточной поэзии, классических поэтов Азербайджана, и в них нередко встречаются слова и словосочетания арабского и персидского происхождения, что делает их перевод на другие языки очень трудным. Но так получилось, что в тот момент, когда жена задала ему такой вопрос, певец, чтобы точно передать страдания лирического героя, сам вставлял простые слова – певцы иногда прибегают к такого рода приёмам, – перевести которые вовсе не трудно: мне трудно, я умираю. Алик тоже, чтобы не оставить вопрос жены без ответа, скажет:

– Только одно могу сказать: он говорит, что ему трудно, он умирает.

– А-а-а, значит, он умирает.

– По его словам, так получается. Но сам певец не умирает, кто-то другой умирает, а певец об этом поёт.

– Это плохо. Всё же человек умирает; какая разница, кто он: сам певец или его знакомый...

Дома у них такой шум! Певец взял более высокую ноту, звук радиоприёмника прибавлен на полную катушку. Алик даже не думает, что всё это действует его жене на нервы. Он лежит на диване, как говорится, ушёл в себя, слушает свою любимую музыку и получает удовольствие. Жена нервничает и думает: что делать, как быть? Всё же надо уйти куда-нибудь, а через час вернуться. А куда пойдёшь? Это же не город, а деревня; здесь свои правила поведения: женщина должна вести себя прилично. Поэтому ей нельзя так просто выйти из дома и без дела шататься по улицам. Нельзя. А то бог знает что подумают.

Но, поразмыслив, она всё же найдёт выход: дома у них осталось совсем мало хозяйственного мыла. Можно, даже нужно пойти в магазин, купить мыло и вернуться домой. Быстро переодевшись, она вышла из дома и пошла в магазин. По обеим сторонам просёлочной дороги во всех домах люди, как будто договорившись между собой, включили радиоприёмники, точно как Алик, звук прибавили на полную катушку и открыли окна – везде и всюду слышна только эта музыка: воскресный концерт мугама. А местное население, эта деревенщина, в том числе и Алик, слушает её и получает удовольствие. Весь воздух пропитан этой музыкой, вся деревня утопает в этой музыке. Жена Алика идёт по грязной дороге, она в резиновых сапогах, поэтому грязи не боится, об этом даже не думает. Она думает о другом: что они нашли в этой музыке? Она об этом думает, но ответа не находит.

Каждый день, утром, в полдень и вечером, по радио передают концерт для трудящихся сельского хозяйства, и весь репертуар этих концертов в основном состоит из народной музыки: народные мелодии и песни, отрывки мугамов... Почти каждый день, но в разное время суток по радио передают ашукскую музыку. Такие же концерты идут и по телевидению. Алик всё это очень любит и с удовольствием слушает... А жена его ничего не понимает, и она вынуждена всё время слушать непонятную ей музыку. У неё нет возможности слушать родную и понятную ей русскую музыку. А может быть, завести вторые радио и телевизор? В принципе, так и надо. А какой шум будет у них дома! Вот представьте: дома два радиоприёмника, по одному из них передаётся азербайджанская музыка, а по-другому – русская музыка. Звук прибавлен на полную катушку... Вот это будет хаос! Нет, так нельзя.

Это не выход. В этом чужом мире очень много проблем, и такими примитивными методами нельзя их решать.

Она не знает, что делать, как выбраться из этого тупика. Интересно, долго ли выдержит эту пытку жена Алика? Максимум – год. И в один прекрасный день, упаковав свои вещи, она скажет: «Слушай, Алик! Надоело мне жить в этой деревенской глуши! Господи, какая пытка! Зачем ты привёз меня сюда? Где та самая-самая красивая деревня в мире? Здесь никакой красоты нет; всё очень примитивно, чёрство и ужасно вульгарно! Нет, ты не виноват, во всём виновата я сама: я, глупая дура, поверила в твои романтические сказки. Какая невыносимая жара здесь и какой зной! Шесть месяцев задыхаюсь от жары, дышать нечем. Ещё вот эти комары... Не комары, а кошмары! А какие страшные змеи здесь! Не только при виде их, даже при мысли о них мне становится жутко и волосы дыбом встают! Ты, наверно, скажешь: зато остальные шесть месяцев прохладно, никаких змей и комаров не бывает. Нет уж, извини. Ходить по колено в грязи – по-твоему, нормально? Я хожу в резиновых сапогах и, топчась в грязи с утра до вечера, работаю по хозяйству; видите ли, я же хозяйка и должна трудиться не покладая рук: доить корову, чистить коровник, выносить навоз, залезать в курятник, чистить, наводить там порядок, собирать яйца... За этот короткий срок я, городская девушка, превратилась в крестьянскую бабу, от которой противно воняет коровьим навозом и лошадиной мочой. Я родилась и выросла в городе, не могу

привыкнуть к такой жизни; я бы очень хотела, и всё – ради тебя. Но не получается. Вначале я подумала, что с Аликом поеду в деревню; там же красота и романтика, и мы будем жить счастливо. Но, увы, не получается, Алик, невозможно. Это не жизнь, а пытка. Неужели ты меня не любишь и хочешь, чтобы до конца своей жизни я мучилась в этом аду? Но учти, я не собираюсь дальше жить здесь. Прошу тебя, Алик, умоляю, давай поедем в Баку. Мой брат женился и живёт отдельно. В нашей двухкомнатной квартире сейчас живут только мои родители. Одну комнату займём мы – покамест этого нам будет достаточно. А дальше посмотрим. Если что, у нас во дворе, рядом с нашим домом, есть свободное место, где можно пристроить ещё одну небольшую комнату. Ты же строитель, любишь строить, переделывать и придавать новый вид старым постройкам. На две семьи у нас будет три комнаты – а это благо! На твоё счастье, попалась я – любящая тебя девушка – с квартирой. Спроси у людей, многие об этом мечтают. А ты как будто ничего не замечаешь и думаешь только о деревне. Так нельзя, Алик! Давай поедем в Баку и будем жить по-человечески. За эти ежедневные три яйца и два литра молока нельзя же всю жизнь мучиться здесь. В Баку и яйца есть, и молоко есть. Вся самая хорошая и качественная продукция вывозится из деревни и продаётся на бакинских рынках. Давай уедем отсюда. Мы молоды, вся наша жизнь впереди; оба будем работать, и всё будет прекрасно. А сюда, на твою родину, – это уже и моя родина, и родина нашего малыша – приедем, но не летом и не зимой. Мы сюда будем приезжать два раза в году: осенью, в октябре, и весной, в мае...»

Интересно, какие меры примет Алик после такого эмоционального выступления жены? Очень вероятно, что через год он опять появится в Баку.

Но, к сожалению, мне пришлось покинуть Шанхай и переселиться в восточную часть Баилова. А это уже не Шанхай – отдельный жилой массив Баилова. Я был очень занят: учился, иногда даже сезонно работал – времени не было. Поэтому весь Шанхай и его весёлые ребята скоро были забыты; я их больше не видел. Даже было такое впечатление, как будто я переехал в другой город. Буровой мастер всё же нашёл подходящего человека, сдал свою квартиру ему и уехал в Пакистан – это я знал, потому что в то время я ещё не покинул Шанхай. А что стало с шанхайскими парнями, не знал. Но надо же, спустя двадцать лет я совершенно случайно встретился с человеком, который был земляком известного шанхайского студента тех времён – Алика, и очень хорошо знал его.

– В то время я жил на Баилова и знал одного бурового мастера, который уехал работать в Пакистан; он был из вашего села.

– Да, такое было. Этот буровой мастер, проработав в Пакистане два года, вернулся в Баку. Сейчас на пенсии. Его сын пошёл по стопам отца, поступил в АЗИ, выучился и стал нефтяником.

– Очень хорошо, – сказал я. – Из вашего села, знаете, ещё кого знал я? Алика. Он учился в строительном техникуме.

– Алика я очень хорошо знаю. Сейчас он там, у нас в деревне; работает прорабом.

– Молодец Алик! – сказал я с каким-то особым восторгом. – Он так и планировал. Ваш чай остывает, пейте, пожалуйста.

– Нет-нет, чай не остыл, – сделав один глоток, сказал наш гость.

– В то время Алик встречался с одной русской девушкой, хотел даже на ней жениться...

– Он на ней и женился. Они переехали в нашу деревню и по сей день там живут. Хорошо живут. У них такие хорошие дети...

– Она молодец, – сказал я. – Городская девушка, но, несмотря на это, взяла и с Аликом поехала жить в деревню. Не каждая женщина согласится на это.

– Вы её знали?

– Нет, не знал; я её даже в глаза не видел, имени тоже не знал. Только понаслышке знал, что Алик с ней встречался.

– Она очень хорошая женщина, умный человек. Представьте себе: азербайджанского языка она совсем не знала. Но, быстро освоив язык, стала говорить так, как будто она не русская и не бакинка, а азербайджанка, родилась и выросла в Сальяне. Вы даже не представляете, как её там уважают...

Я задумался. Вспомнил шанхайского студента Алика, его беседы с близкими товарищами в узком кругу. Если не ошибаюсь, два раза, может быть, даже три раза присутствовал я при таких беседах и точно помню, что каждый раз ему был задан один и тот же вопрос: «Скажи честно, Алик, что ты собираешься делать с этой девушкой?». Алик медлил с ответом, даже казалось, что он и не собирается отвечать на этот вопрос. Но всё же он ответил: «О гызы истирем».

Дословный перевод этого предложения выглядит так: «Я хочу эту девушку». А если перевести его на литературно-книжный язык, получится хорошо известное предложение: «Я люблю эту девушку» или «Я её люблю». Но Алик выражался не по-книжному, он выражался по-народному, и это звучало очень эффектно: сильно, искренне и убедительно. Он был немногословен. Но при этом очень красноречивым было выражение его лица: он чуть покраснел, в его глазах появились искорки – и тот, кто хоть раз видел это своими глазами, мог убедиться, что Алик любит эту девушку, это серьёзно. Я же видел это минимум два раза.

Интересно, она, эта девушка, любила ли его? Может быть, это была безответная любовь, ведь в жизни часто бывает именно так, и это не приносит счастья. Страстная любовь одной из сторон сталкивается с равнодушием другой стороны; первая хочет найти в сердце второй то, чего там нет, вторая же при всём желании не может дать то, чего от неё требуют, – взаимности. Образцы той и другой любви описал Шекспир в «Ромео и Джульетте». Любовь Париса к Джульетте...

Мало ли кого интересует это; всё думает только о Ромео. А если сравнить его с Парисом, получается, что Ромео – преступник, он демон смерти – виновен в смерти Меркуцио, от его рук пали Тибальт и Парис – и не только сам проливает кровь невинных людей, но каким-то таинственным образом содействует кровопролитию. С другой стороны, он обыкновенный донжуан. Как известно, до Джульетты у Ромео была любовь с другой девицей – Розалиной. А Розалина не обращала внимания на этого покорителя женских сердец. Ромео в растерянности, он убит горем. Ему на помощь приходит его друг и двоюродный брат Бенволио, который намного опытнее, он на этом, то есть в делах любви, как говорится, собаку съел. И этот выдавший виды опытный донжуан учит своего малоопытного подопечного, как вести себя с женщинами, чтобы быстрее добиться своего. Методика простая: чтобы избавиться от горечи неудачной любви, надо завести новую любовь, точно так, как в поговорке: клин выбивают клином. Ученик, то есть Ромео, быстро усвоил уроки, в принципе, он сам тоже неплохой ухажёр и после некоторых корректировок и уточнений в тактике уже стал неотразим – Джульетта уже в его руках. Ромео, безумно влюблённый в Розалину, при виде Джульетты сразу же изменился: он мгновенно забыл Розалину, как будто этой девушки и любви к ней вовсе не было, теперь он безумно влюбился в Джульетту. Странная перемена!

А вот Парис – чистый и честный юноша, дворянин, граф, родственник князя, но очень простой, наивный и несчастный человек – он тоже любит Джульетту, и всё его несчастье кроется именно в этом. Парис не драчун, но он считал Ромео подлецом, осквернителем трупа – для этого у него были веские основания, – поэтому начал с ним драку и погиб. Для Париса Джульетта была всем. Узнав о смерти Джульетты, он сказал: я потерял всё (I have lost everything); действительно, она для него была всем. А каково было отношение Джульетты к этому невинному, чистому человеку? Она не только не ответила ему взаимностью, а даже не уважала его как человека, она презирала, ненавидела его; ей было приятнее увидеть жабу, настоящую жабу, чем его. В жизни бывает и так: ты кого-то любишь, а тот тебя просто ненавидит. Джульетта тоже ненавидела Париса. Когда Парис погибает от рук Ромео, умирая, он просит у своего врага и палача положить его тело рядом с телом Джульетты. Этот наивный и несчастный человек не ведаёт, что на самом деле творится вокруг него и как плачевно его собственное положение... Да мало ли что ты кого-то любишь... Безусловно, это знал и Шекспир, поэтому главное своё внимание он обращал на взаимную любовь. Безответная любовь, любовь Париса к Джульетте, не очень-то волновала его.

Меня же интересовало другое: Алик всерьёз был влюблён – несомненно, так и было, а что за любовь была это, кто он, Алик: Ромео или Парис? Не знаю, почему, но в этой истории меня интересовал именно этот вопрос. Выяснить же что-либо было невозможно. А вот надо же, навязчивый вопрос пристал и никак не отступал. Что делать, у кого спросить? Выхода не было.

Вот так прошли годы. Наконец, подытожив всё услышанное и увиденное, я пришёл к выводу, что всё же это была взаимная любовь. В этом отношении Алику повезло. Чужое, враждебное не уживается здесь, отступает, как отступала враждебная армия великой империи. Эта девушка пустила корни, стала частью населения этого сурового края, и всё это – только благодаря любви.

Российский колокол: Альманах.- М., 2022.- Вып. 2.- С.13-39.